

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СТРАТЕГИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

О ЦЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА НАУКИ (ЧАСТЬ 2)

Донских Олег Альбертович

Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»,
Новосибирск, Россия
oleg.donskikh@gmail.com

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.3.12

АННОТАЦИЯ

Во второй части статьи рассматривается процесс формирования национальных языков науки в истории европейской культуры начиная с XIV века. Рассматриваются те условия, которые способствовали этому процессу. Во-первых, безусловной предпосылкой появления языка науки является расцвет национальной литературы, как поэзии, так и прозы. Кроме того, значительную роль играет развитие системы университетского образования, где обучение философии, включая философию природы, т. е. умению работы с понятиями, было обязательным условием перехода к специализации в области богословия, юриспруденции и медицины. Книгопечатание, в свою очередь, не только резко увеличило число читателей за счёт среднего класса, но и способствовало развитию национальных языков. Наконец, с XIV века в Европе при дворах владетельных особ возникают литературные общества с целью совершенствования родного языка, которые постепенно дополняются ассоциациями и академиями, члены которых интересуются наукой и не ограничены уставами университетов. Рассматривается становление научного языка в России в XVIII–XIX веках. Это процесс, который занял почти два века, начиная от филологических штудий В. Е. Адодурова, В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова. Отмечается роль отечественных поэтов и писателей, колоссально обогативших лексику русского языка, придавших ему свободу и гибкость, значение таких организаций, как Собрание переводчиков, Вольное российское собрание, Академия Российская и др. И, конечно, неопределимое значение имела деятельность сотен учёных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

язык науки, история науки, история европейской культуры, поэзия, филология, философия, университеты, литературные общества, академии, язык российской науки.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Донских О. А. О ценности национального языка науки (часть 2) // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 3. С. 225–244.

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.3.12

Итак, с Божиим споспешествованием начнём философию не так, чтобы разумел только один из всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык понимающий мог удобно ею пользоваться.

Н. Н. Поповский

В небольшой статье невозможно проследить этапы формирования национальных языков науки, но стоит отметить некоторые общие черты.

Во-первых, предпосылкой формирования языков науки является возникновение литературы высокого уровня на определённом языке. И здесь поэты, писатели и филологи играют ключевую роль. В Италии уже со времен Данте (1265–1321) итальянский стал языком литературы мирового уровня. В Англии оригинальная литература на английском начинается с Джеффри Чосера (1345?–1400) и переводчика Библии Джона Уиклифа (1324?–1384)¹, а развитию английской науки непосредственно предшествует елизаветинский период в развитии литературы с такими именами, как Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599), Уильям Шекспир (1564–1616), Джон Донн (1572–1631). Во Франции появлению Французской академии, созданной для совершенствования национального языка, предшествует образованное Пьером де Ронсаром (1524–1585) объединение семи поэтов Плеяды по образцу Александрийской во второй половине XVI века². В Германии с XV века распространяется большое количество разнообразных повестей, а XVI век – это апогей поэтического искусства мейстерзингеров, до середины XVI века на немецкий язык Лютером переведена Библия. Кроме того, все культуры, в рамках которых позже сформируются научные школы, уже получают в своё обладание развитую систему письма, хотя ещё далеко не всегда стандартизированную.

Во-вторых, большую роль играет философия. Это связано с тем, что основное число студентов средневековых университетов были «артистами», т. е. учились на факультетах искусств и далеко не всегда доходили до получения степеней в теологии, медицине и юриспруденции. А философия позволяла обсуждать очень широкий круг вопросов, которые естественным образом популяризировались на национальных языках.

В-третьих, невозможно переоценить значение книгопечатания. Уже в течение первых трёх десятилетий после изобретения Гутенбергом печатного пресса с наборным шрифтом в Европе, особенно в Италии, появляются де-

¹ Только эти два человека ввели в английский более 3,5 тыс. новых слов, преобразуя латинские и французские слова и выражения.

² Один из членов Плеяды Дю Белле в 1-й части своего знаменитого трактата «Защита и прославление французского языка» («La defense et illustration de la langue française», 1549) доказывает широкие возможности просторечного французского языка и выступает против увлечения итальянской поэзией и сорбонскими латинистами.

сятки печатных станков. Эта практика начала вовлекать в круг читателей средние слои населения, которые не владели латынью свободно, книги печатались на народных языках, а, кроме того, издателям приходилось стандартизировать язык.

В-четвертых, в противовес весьма консервативным университетам наука начинает развиваться в рамках менее структурированных институтов, вроде литературных кружков (обычно при дворах великосветских меценатов) и академий. Литературные сообщества, ставящие своей целью совершенствование национальных языков, появляются с XIV века в разных концах Западной Европы – от Нижних Земель и Франции до Германии и Италии.

Эдгар Зильцель пишет, что в XIV веке первыми представителями мирской науки были не учёные, но секретари и чиновники муниципалитетов, князья и папа римский. «Они стали отцами гуманизма. Их целями были мастерство письма и речи и совершенство стиля. В последующие века гуманисты потерялись в большом количестве официальных связей и стали свободными литераторами, зависящими от своих покровителей – князей, дворян и банкиров. Их цели остаются неизменными, их гордость своей памятью и учёностью, их страсть к славе даже возрастают. Они признают, что некоторые древние писатели являются образцами стиля и связаны с их светской властью так же строго, как теологи относятся к своим религиям. Гуманизм развивается и рационально. Он разрабатывает методы научной филологии, но при этом пренебрегает каузальными исследованиями и больше интересуется формой, чем содержанием, больше словами, чем вещами» [1, р. 4]. Появляется текстология, благодаря чему закладываются основы критики текстов и существенно поднимается научность исторических исследований.

Итак, к XIV веку латинский язык был доведён до уровня, способного выразить любые научные идеи своего времени. Но именно в это время в Европе начинается формирование национальных языков, и их использование в качестве языков науки также представляется важным. Первой научной книгой на итальянском языке является монография Ристоро д'Ареццо «Строение мира», написанная в 1282 г. Значительную роль здесь играет Данте, который пишет на итальянском языке трактат «Пир» и тем самым становится создателем итальянского научного языка, причём поэт специально оговаривает необходимость обращения к родному языку при обсуждении научных проблем [2, с. 62–63]. Трактат «Пир» построен в форме комментариев к им же написанным канцонам. Это популяризаторское философское произведение. Данте также делает народный язык предметом исследования в книге «О народном красноречии», которую пишет одновременно с «Пиром», правда, на латинском языке, поскольку обращается к учёному сообществу. Интересно, что он не берёт ни один из существующих диалектов итальянского в качестве основы народного языка, но утверждает, что в Италии «есть блистательная, осевая, придворная и правильная народная речь, составляющая собственность каждого и ни одного в отдельности итальянского города, по которой все городские речи итальянцев измеряются, оцениваются и равняются» [3]. Не случайно в лидерах интеллектуального

движения оказывается Италия, где появляется всё больше образованных людей, умеющих читать и понимать латинскую классику. Вокруг них образуются группы последователей, которые сознают себя в качестве духовных наследников Римской империи, и, таким образом, литература на латыни, а потом и на греческом становится достоянием образованных людей. Уже с XIV века растёт увлечение великой римской литературой. Цицерон и Вергилий теснят христианские авторитеты. Но появляется всё более богатая самостоятельная литература как на латинском, так и на национальных языках. «Между 1440 и 1550 годами в Северной Франции, франкоязычных и голландскоязычных Нидерландах, а также в ряде по меньшей мере десяти южногерманских городов были созданы несколько литературных ассоциаций. Начиная с 1520-х годов, первые академии были основаны в Риме, Падуе, Сиене и Флоренции» [4, р. 429]. Целью этих ассоциаций было развитие национальных языков.

Возьмём в качестве примера Италию. Здесь одной из первых литературных ассоциаций стал круг гуманистов, связанных с кардиналом Виссарионом (1403–1472). Бартоломео Платина пишет: «Нередко самые учёные мужи из всей курии удалялись в дом Виссариона... там они спорили между собой о вещах, относящихся к латинскому языку» [5, р. 187]. Такой же неформальной организацией являлась «академия», основанная Помпонио Лето, который стал известен как «основатель и руководитель так называемой Римской академии или Accademia Romana – группы учёных гуманистов, которые часто собирались в доме Лето на Квиринале. Это движение будоражило воображение многих из-за своей крайней преданности классической античности, которая проявлялось, например, в латинизированных именах членов сообщества, их совместных посещениях римских катакомб и праздновании Дня рождения города Рима» [5, р. 185]. В подражание Виссариону и Помпонио Лето в 1501 году Альд Мануций основывает «Новую Академию», а затем по приглашению императора Священной Римской империи Максимилиана он планировал основать нечто подобное в Германии [6, pp. 55–56]. Эти академии так же, как и знаменитая флорентийская «Платоновская Академия», созданная Марсилио Фичино в 70-е годы XV века, были не более чем неформальными кружками гуманистов, интересовавшихся античной литературой и философией.

Более структурированными стали академии в Риме (1520?), затем в Сиене (1525) и в Падуе (1540). Причём группа римских гуманистов создала свою академию по образцу религиозного братства, и она была «весьма похожа на современные ей национальные организации, процветавшие в соседнем Лангедоке и урбанизированной Северной Франции, Нидерландах и Германии. В какой степени эта группа римских гуманистов черпала вдохновение в примерах из других стран и в какой степени они повлияли на создание академий в Италии в 1520-х и 1530-х годах, остаётся неясным» [4, р. 456]. Во Флоренции появляются две академии: в 1540 году – Академия Фиорентина (Accademia degli Umidi) и в 1583 году – Академия делла Круска (Accademia della Crusca). Эти сообщества подготовили почву для развития национальных языков. Однако латинский безоговорочно доминирует в на-

уже. Причём, когда появляются академии наук и подобные сообщества, они берут за образец другие модели, и в первую очередь немецкое «Плодоносное сообщество» (*Fruchtbringende Gesellschaft*). «Немецкое *Fruchtbringende Gesellschaft*, вместо того чтобы копировать итальянский образец, было уникальным творением, весьма существенно отличающимся от старых литературных обществ, последними образцами которых были итальянские или испанские академии. Это аристократическое немецкое общество, по-видимому, было одним из новых экспериментов в развитии литературных и учёных обществ в Европе. Это была модель для других обществ, основанных в Германии XVII века. *Fruchtbringende Gesellschaft*, Лондонский колледж антикваров (общество с регулярными сессиями для обсуждения исторических и других вопросов, 1586), Римская Линчеи (1603), Французская академия (1635), Лондонское Королевское общество (1660), Роттердамская коллегия Механикум (для изучения народной натурфилософии, основанная Исааком Бекманом в 1626 году) и многие другие общества» [4, pp. 430–431]. Часть этих обществ продолжает заниматься филологическими исследованиями. Так, «Плодоносное сообщество» ставит целью развитие немецкого языка и недопущение в него французских или итальянских слов. Французская академия, основанная кардиналом Ришелье³, также занята совершенствованием французского языка. Эти общества выпускают словари и грамматики, развивают литературные жанры.

Однако научные труды традиционно пишутся на латинском. Даже в литературно ориентированной Академии делла Круска велись споры о законности использования итальянского языка для научных работ. Тем не менее, в Академии деи Линчеи труды издавались как на латинском, так и на тосканском диалекте итальянского языка. Таким образом, хотя в начале XVII века на итальянском уже можно было писать серьёзные научные труды, латинский имел существенное преимущество – он был интернациональным. Галилей так должен оправдывать решение напечатать свой труд «Солнечные пятна» на итальянском: «Я написал его на просторечном языке, потому что мне нужно, чтобы все люди могли бы его читать [...] причина в том, что я вижу много неадекватных молодых людей, отправленных в университеты, чтобы стать врачами, философами и так далее... в то время как многие другие – кто был бы талантлив – занимаются домашними делами или другими делами, довольно далёкими от литературы» [7, p. 369]. Но с такой же проблемой сталкивались учёные и в других странах. Им приходилось специально трансформировать национальный язык для того, чтобы он мог выражать научные идеи. В 1531 году Томас Элиот (1490–1546) издаёт книгу «Наставник» (*The Boke named the Governour*), в предисловии к которой он специально указывает, что использует английский, преобразуя греческие, латинские и другие слова, чтобы доказать возможность выразить на английском любые идеи [8, p. 10]. И в других своих работах Элиот обогащает английский массой медицинских и других научных терминов. Он преобразует, например, латинские слова в английские, меняя окончания, суффиксы и т. д. «Среди множества слов, которые Элиот использует в своей

³ Французская академия наук основана позже – в 1666 году.

книге, есть такие, как *abbreviate, acceleration, accommodate, aristocracy, barbarously, circumscription, democracy, education, encyclopedia, historian, inflection, modesty, society, temperature, tolerate, venereal*» [9, p. 69]. Кроме того, в своём словаре *The dictionary of syr Thomas Eliot knyght* он даёт английские объяснения латинским терминам.

Таким образом, по крайней мере с середины – второй половины XVI века итальянский, английский, французский и немецкий языки могли использоваться параллельно с латинским для написания научных трудов, и уже существует обширная практика параллельного издания научных работ на латинском и своём национальном языке.

Теперь посмотрим, как формировался научный язык в России.

Необходимость в науке была вызвана сознанием отставания России от европейских стран. Уже «в XVII веке в Москве появилось и осело очень много военных, торговых и промышленных иностранцев, пользовавшихся большими торговыми привилегиями и громадным экономическим влиянием в стране» [10, с. 406]. Необходимость заимствований была хорошо осознана верховной властью. Вопрос был в ориентации – либо на западноевропейскую культуру, либо на киевско-греческую. При Алексее Михайловиче и его сыне Фёдоре Алексеевиче огромным влиянием в Москве пользуются киевляне. И не случайно в самом конце царствования Фёдора составляется проект высшего училища – Греко-Латинской академии (позже – Славяно-Греко-Латинская академия). По проекту учиться в Академии могли люди всех сословий. «Школьная часть в проекте была полнее, чем в Академии Киевской. Намечались такие предметы: грамматика, пиитика, риторика, диалектика, философия. Последняя в трёх отделах – философии разумительной (т. е. умозрительной), естественной (т. е. физики), нравственной. Богословие мыслилось в двух видах: созерцательное (т. е. догматическое) и деятельное (т. е. нравственное). Предполагалось, кроме права канонического, изучение и права гражданского. Открыто место преподаванию и «прочих свободных наук». Должны были изучаться языки: славянский, греческий, латинский и польский» [11]. Первыми учителями уже после смерти царя стали приглашённые с Востока братья Иоаникий и Софроний Лихуды. Преподавание велось на латинском и отчасти на греческом языках. Причём языкам учили так хорошо, что ученики старших классов начинали учить тех, кто из младших классов. Таким образом, язык европейской науки – латинский – постепенно становится достоянием наших учёных людей (хотя и через призму греческого богословия) и благодаря этому начинает пополнять и словарь русского языка. В 1701 году Пётр дал училищу статус государственной академии. Именно в ней учился М. В. Ломоносов до поступления в академическую гимназию.

При Петре вектор меняется, личное знакомство с европейскими достижениями склоняет его к ориентации на западноевропейскую культуру и науку как на её необходимую составляющую. Здесь стоит отметить влияние Лейбница, который предложил Петру свой проект Академии. Царь решает пригласить в Россию серьёзных учёных. Идея его состояла в следующем: «От них (т. е. от приглашённых учёных – *И. Д.*) должны быть писаны кни-

ги во всех науках, которые я хочу на российском языке иметь переведёнными; сие должны переводить те юноши, которые к тому будут выбраны и им отданы научаться уразуметь, а после сами обучать тем наукам и быть учителями оных. Посредством других трудов, которые они от своих наук и новых открытий на латинском языке писать и в тиснение отдавать будут, должны они нам приобрести в Европе честь и доверенность... и больше не можем быть почитаемы презрения достойными варварами. И тогда должны и подданные мои в коллегиях, канцеляриях, конторах и других судебных местах, где требуются науки, обратиться к Академии и получить от неё совет» [12, с. 43–44]. Для работы в Академии царский лейб-медик Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост благодаря активному посредничеству Христиана Вольфа приглашает немецких учёных. Это приглашение приняли выдающиеся европейские учёные – братья Николай и Даниил Бернуллы, Георг Бильфингер, Христиан Гольдбах, Жозеф Делиль, в 1727 году приехал Леонард Эйлер. Им были предоставлены вполне приличные условия для работы. Начинается формирование научного сообщества. Но, как профессорам, им было нечего делать: «Так как по уставу они должны были читать лекции, а лекций читать было не для кого, то решили и слушателей выписать из Германии. Вызвано было и приехало восемь студентов. Профессоров всё-таки было вдвое больше (17), и чтоб исполнить устав, профессора стали сами ходить друг к другу на лекции» [13, с. 308]. Таким образом, российская академия начинается с немецкого и латинского языков.

В то же время идёт постепенное совершенствование русского языка, и здесь ключевую роль сыграли В. Е. Адодуров, опубликовавший в 1740 году первую собственно русскую грамматику (позже он был первым куратором Московского университета и обучал русскому языку будущую Екатерину II), а также академики В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов. 14 октября 1733 года «президент Академии наук Г. К. фон Кейзерлинг подписал контракт с Тредиаковским; согласно этому контракту Тредиаковский, между прочим, обязуется «совершенствовать русский язык, будь то в прозе или стихах, преподавать его, если этого от него потребуют, окончить грамматику, которую он начал...» «de perfectioner la langue russe, soit par la prose, ou par les vers, d'y donner des leçons, en cas qu'on le demandera, d'achever la grammaire qu'il a commencée...» [14, с. 528]. Использование русского языка поддерживал ставший в 1734 году президентом Академии барон Корф (хотя протоколы заседаний, тем не менее, писались при нём на немецком языке).

14 марта 1735 года при Академии было учреждено собрание переводчиков. Собрание открылось речью Тредиаковского, который в качестве цели обозначил составление грамматики, риторики и словаря русского языка. Ещё в 1730 году в предисловии к своему переводу французского романа П. Тальмана «Езда в остров любви» Тредиаковский писал, что необходимо писать простым русским языком, и причины тому: «Первая: язык словенской у нас язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык в нынешнем веке у нас очень тёмный; и многия его наши читая не разумеют; а сия книга есть сладкая любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая лёгкая, но которая у меня идёт за

самую важную, то есть что язык словенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми» [15, с. 510]. В 1735 году Тредиаковский издал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний». Он представил систему поэтических жанров и дал их образцы на русском языке, сравнивая с французскими примерами. Поэт был убежден, что поэзия каждого народа глубинно связана со спецификой языка и поэтому способы стихосложения существенно различны. Тредиаковский был невероятно трудолюбив и перевёл огромный объём текстов на русский язык. Достаточно упомянуть тридцатитомный перевод «Древней истории» Шарля Роллена.

А. П. Сумароков и М. В. Ломоносов продолжают дело, начатое Тредиаковским. Сумароков в первой своей эпистоле о стихотворстве пишет:

Возьмём себе в пример словесных человек:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорит Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французский,
Иль, наконец, сказать, каков способен русский!
Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного числа на нем писцов. [16, с. 129–130].

Тем же – совершенствованием русского языка – занят Ломоносов, который пишет свои оды и филологические сочинения – «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739), «Краткое руководство к риторике» (1743), «Российскую грамматику» (1755), «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758).

Развитие в России силлабо-тонической поэзии совпало с осознанием особой роли поэта, поэзия начинает отделяться от прозы. Проза в свою очередь, как более сложный вид словесного творчества, складывается и совершенствуется благодаря переводам с разных языков и появлению сообщества профессиональных переводчиков.

Ко второй половине XVIII века эта работа начинает давать значительные плоды. В 1762 году Ломоносов пишет: «На природном языке разного рода моими сочинениями, грамматическими, риторическими, стихотворческими и историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных...» [17, с. 456–457]. Однако, хотя сам Ломоносов в отдельных последних работах использовал русский язык, наука продолжала делаться в основном на латыни и немецком языке. В 1771 году при Московском университете возникло Вольное российское собрание, целью которого было «исправление и обогащение русского языка, а вернейшим средством для достижения этой цели признано издание сочинений и переводов, стихотворных и прозаических, и составление словаря» [18, с. 9]. Одним из важнейших дел

Собрания стал словарь церковнославянского языка Алексева, причём для развития языка науки он также имел определённое значение, поскольку отдельные морфемы, вроде суффиксов «-ение» или «-ость» оказались исключительно плодотворными для образования новых слов.

В связи с этим необходимо отметить следующее: период второй половины XVIII века – начала XIX характеризуется активным процессом формирования отвлечённой лексики. Писателями, поэтами и учёными создаются и активно используются сотни и даже тысячи новых слов. «Наиболее продуктивными лексико-семантическими группами слов в это время были новообразования–существительные со значениями отвлечённого качества, свойства, признака, состояния, действия» [19, с. 132]. Во-первых, это слова, относящиеся к внутреннему миру человека, к психической структуре личности (бдительность, бессовестность, добросердечность, коварность, невнимательность, решительность, чувствительность, благородство, высокомерство...); во-вторых, это слова с «широким» отвлечённым значением (бескрайность, бесчисленность, ограниченность, основательность...); в-третьих, резко расширяется количество существительных, связанных с развитием естественных наук (вязкость, горючесть, липкость, плавкость, плотность, тягучесть...); в-четвертых, слова со значением отвлечённого действия (востребование, вычисление, обогащение, подчинение, увеличение, философствование, надзирательство, производство, соправительство...); в-пятых, резко расширяется группа слов со значением конкретного действия (буравление, ввинчивание, взбалтывание, намазывание, подслушивание, склеивание, выжимка, выплавка, окраска, осушка, промывка...); в-шестых, отвлечённые понятия (деятельность, зависимость, необходимость, особенность, ответственность, относительность, способность...); в-седьмых, новые слова со значением состояния (безутешность, бесчувственность, задумчивость, усталость, членство, невольничество...) [19, с. 133–141]. Уже в этом списке легко заметить те слова, без которых мы не представляем себе наш повседневный и научный язык. Интересно отметить, что новых слов, относящихся к названиям общественно-политических, религиозных и философских учений, почти не появляется – это, по-видимому, связано с деятельностью Славяно-Греко-Латинской академии, где преподавались богословие и философия [19, с. 141].

Значительную роль в подготовке отечественных научных кадров, популяризации науки и тем самым в развитии русского языка сыграл Московский университет. В 1755 году ученик М. В. Ломоносова профессор Николай Никитич Поповский начал свою карьеру в Московском университете чтением философских лекций. Во вступительной речи «он выразил замечательную для своего времени мысль, что философия требует языка народного для всей полноты своего развития, и первый в России восстал против исключительного употребления латинского языка в преподавании этой науки. Языком русским, и в стихах, и в прозе, владел он, как писатель необыкновенно даровитый» [20, с. 30]. Ему же принадлежит «Письмо о пользе наук и о воспитании в оных юношества, писанное к И. И. Шувалову» (1756), где он отстаивает необходимость научного образования.

Профессора университета не были свободны в выборе материалов и авторов для курса, однако, поскольку сначала почти все профессора приглашались из-за границы, поддерживается европейский научный уровень. Приобретаются книги и инструменты, при университете начинают печататься «Московские ведомости». Была изначально заложена просветительская миссия: профессора обязаны были регулярно читать публичные лекции для широкой публики. Сотрудники Московского университета выступили инициаторами создания Казанской гимназии «для размножения наук в империи», и «университет должен был снабдить новоучреждённую гимназию своими учителями» [20, с. 53]. Постепенно выпускники университета начинают всё больше и больше работать на государство, а также устанавливают связи с западными учёными и как исследователи. Например, «несколько студентов и учеников назначено было переводчиками, с жалованьем, в Кёнигсберг, который в семилетнюю войну был занят нашими войсками. ... В их числе встречаются Матвей Афонин и Александр Карамышев, впоследствии отправленные в Упсалу учиться у Линнея» [20, с. 58]. Некоторые студенты были отправлены учиться в Глазго, Лондон, Берлин, Лейден... Таким образом, к концу 60-х годов в Московском университете уже преподавали несколько адъюнктов и профессоров из русских. 15 января 1768 года в «Московских ведомостях» появилось объявление: «С сего 1768 году в Императорском Московском университете для лучшего распространения в России наук, начались лекции на всех трёх факультетах природными россиянами на российском языке. Любители наук могут в те дни и часы слушать, которые оным в лекционном каталоге назначены» [20, с. 141].

Историко-политические понятия отрабатываются поэтами и социальными мыслителями в связи с выражением образов идеальной просвещённой монархии, человека-гражданина, истины и справедливости, свободы. Здесь стоит упомянуть А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, М. М. Щербатова А. Н. Радищева. Конечно, значительное влияние оказало знакомство с европейскими языками, уже имевшими соответствующую общую лексику.

В 1783 году была открыта Российская академия, задачей которой стало именно развитие русского языка. Председателем её была поставлена бывшая уже в то время и директором Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова. В своих записках (переведённых с английского языка) она пишет о прогулке с императрицей Екатериной II: «...Разговор коснулся красоты и богатства русского языка. Я выразила удивление, что императрица, будучи сама писательницей и любя наш язык, не основала ещё Российской академии, необходимой нам, так как у нас не было ни установленных правил, ни словарей, вследствие чего нам приходилось употреблять иностранные термины и слова, между тем как соответствующие им русские выражения были гораздо сильнее и ярче» [21, с. 178]. Княгиня подготовила соответствующий проект, который был принят, и началась работа по составлению словаря. Он издавался в течение пяти лет – с 1789 по 1794 годы – и содержал более сорока тысяч слов. Кроме того, Российская академия поддерживала работу по переводам, а также был издан сборник «Российский театр, или Полное

собрание всех российских театральных сочинений» в 43 частях. Позже, уже при А. С. Шишкове, Российская академия содействовала созданию 32 библиотек в городах-центрах губерний. А. С. Шишков занимал пост президента Академии Российской с 1813 по 1841 годы. Принадлежность Шишкова к старшему поколению, его «архаичные литературные взгляды в условиях ожесточённой борьбы между архаистами и новаторами 1810–1820-х гг. оказали Российской академии дурную услугу: новейшая литература от Академии отшатнулась, и если не сделала её объектом насмешек как нечто ретроградное, то старалась держаться в отдалении от неё. Сам же Шишков стремился не допустить в Академии споров на литературные темы, всецело подчинив её задаче лингвистических исследований – в частности, славяноведения» [22, с. 48]. Надо сказать, что оценка деятельности А. С. Шишкова довольно противоречива, учитывая хотя бы то, что он пригласил в Академию своего литературного противника Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина и ряд других писателей⁴. При нём продолжается активная филологическая работа, рецензируются и издаются труды путешественников, особенно (но не исключительно) по славянским землям. Приглашая к сотрудничеству иностранных славистов, Шишков пытается превратить Российскую академию в «славянскую Мекку». Одной из его важнейших идей было создание сравнительного словаря славянских языков. Кроме того, Шишков поддерживает отечественных писателей и поэтов, печатая их сочинения в академической типографии.

Значительную роль в истории отечественной филологии и истории сыграл Румянцевский кружок. Меценат граф Н. П. Румянцев был любителем старины и тратил огромные средства на разыскание и издание документов и других памятников древней истории и культуры. В. И. Вернадский вообще считал, что в первой четверти XIX века «кружок гр. Румянцева положил основы научному изучению русского языка, истории русской литературы, русских древностей. В эту эпоху свободный кружок гр. Румянцева играл в действительности ту роль, которую по своему строю не могла играть Академия наук и которую не исполняла Российская Академия» [24, с. 247–248]. Именно в это время русская культура начинает выходить на мировой уровень, что проявляется в литературе, музыке, живописи. Что же касается научных достижений, то здесь следует отметить появление серьёзных исторических работ, работ по русской палеографии и археографии. Благодаря работам А. Х. Востокова заложены основания научного исследования русского стихосложения и истории русского языка.

С 1841 года по настоянию императора Николая I Академии наук были предоставлены средства для изысканий, связанных «с историей России, изучением русского и славянских языков, историей русской литературы, славяноведением» [24, с. 246–247]. Гуманитарные науки – история, языковедение (в частности, славистика), литературоведение – начинают выходить на уровень, достигнутый естественными науками. А в конце XIX века – нача-

⁴ Шишков же дал распоряжение цензору Бирукову пропустить в печать «Евгения Онегина», за что Пушкин был ему очень благодарен. Шишков выдвинул в члены Академии филолога-гебраиста Г. П. Павского, который критически относился к филологическим штудиям Шишкова [23, с. 98].

ле XX века работают такие выдающиеся лингвисты, как А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. Ф. Фортунатов и др.

Но ещё долго в русской науке будут употребляться латынь и немецкий языки⁵, только во второй четверти XIX века русский в качестве литературного выйдет на уровень европейских языков. Хотя, например, в философских работах французский язык будет использоваться наряду с русским почти до конца этого века (крупнейшие философские работы, начиная с «Философических писем» П. Я. Чаадаева, были написаны на французском, на французском же издавали свои работы А. С. Хомяков и В. С. Соловьёв). Первый русский философский словарь, соответствующий уровню европейской философской мысли, – это «Философский лексикон» С. С. Гогоцкого, напечатанный в Киеве в 4-х томах в 1857–1873 годах, а в 1876 году он же издаёт в Киеве «Философский словарь». Не случайно представитель киевской школы философии П. Д. Юркевич становится первым профессором философии Московского университета без стажировки в Германии.

И ещё одна деталь. До включения в 1841 году Российской академии в состав Академии наук в качестве Отделения русского языка и словесности в своих внутренних делах Академия употребляла латинский, немецкий и французский языки [24, с. 248].

Надо заметить, что все дисциплины, за исключением российской истории, читались по европейским учебникам. Так, последователь Адама Смита Христиан Августович Шлёцер, будучи уже четыре года в должности ординарного профессора политики, естественного и народного права юридического факультета, напечатал на немецком и французском языках книгу «Начальные основания государственного хозяйства, или науки о народном богатстве», затем она была переведена на русский язык магистром С. Смирновым. И это первый серьёзный экономический труд на русском языке. Несколько позже, в 1815 году, был издан на французском труд крупнейшего российского экономиста Андрея Карловича Шторха «*Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations*» («Курс политэкономии, или изложение принципов, определяющих процветание наций»), а в 1819 году этот труд был издан на немецком. (Перевод начала этой работы на русский язык появился лишь в 1881 году, что было связано с критическим отношением автора к крепостному праву, правосудию и др.)

В начале XIX века идёт активная работа по расширению использования русского языка в разных областях науки. Значительную роль сыграл, например, В. М. Севергин (1765–1826). В 1807 году он издаёт двухтомный Минералогический словарь, а в 1815-м году – «Руководство к удобнейшему разумению химических книг иностранных, заключающее в себе словарь: латинско-русский, французско-русский и немецко-русский, по старинному и новейшему словознанию». В Предисловии к словарю он пишет: «Мне казалось по крайней мере, что ежели знаменитые в науках мужи... и другие подобным трудом занимались, да и ныне искуснейшие

⁵ Использовались и другие европейские языки. Так, первый курс экспериментальной физики аббат Франкози читал в 1757 году на французском [20, с. 36]

Естествоиспытатели во Франции... таковым занимаются, то долг мой долженствовал быть, чтобы издать таковой же в отношении к Минералогии на отечественном языке. Я охотно признаюсь, что пользовался здесь, великою честью, исследованиями иностранных Минералогов; но всё прилагал рачение мое в выборе их, и надлежащем соображении; некоторые статьи принадлежат к собственным моим наблюдениям» [25, с. V].

В XIX веке довольно многие работы, издаваемые на европейских языках, появляются и на русском, и наоборот. Так, Н. И. Лобачевский в 1826 году выступает на заседании физико-математического факультета Казанского университета с докладом «*Exposition succincte des principes de la géométrie avec une démonstration rigoureuse du théorème des parallèles*» («Краткое изложение основ геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных»). Этот доклад не сохранился. Потом он печатает два мемуара на русском языке в «Учёных записках Казанского университета», и почти одновременно они появляются в крупном немецком математическом журнале того времени «*Journal für die reine und angewandte Mathematik*» на французском языке. Затем он печатает на русском в «Учёных записках Казанского университета» «Новые начала геометрии с полной теорией параллельных» (1835–1838), но для популяризации своих идей издаёт в 1840 году отдельной брошюрой на немецком сочинение «*Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien*». Таким образом, ко второй половине XIX века русский язык уже способен выражать любые математические идеи и, соответственно, может в полной мере служить делу математического образования.

Постепенно, как в Московском университете, так и в Академии наук, появляется всё больше учёных отечественного происхождения. В связи с назначением С. С. Уварова президентом Императорской Академии наук в 1818 году (им он оставался до своей смерти в 1855 году), можно увидеть, как растёт число отечественных учёных. Если в 1818 году в Академии было 9 русских учёных (плюс русских немецкого происхождения) и 10 иностранцев по рождению, то в 1836 году пропорция была 12 к 11, в 1841 (когда Академия наук объединилась с Российской академией) – 31 к 13. А в 1869 году – 40 к 12 [26, с. 245]. Собственно национальной по своему составу Академия наук становится лишь после 1889 года.

К началу XIX века и система образования в России уже была вполне сопоставима с европейскими. «На рубеже XIX и XX веков в Российской империи обучалось чуть больше 40 тысяч студентов. В Германии, лидировавшей тогда в Европе, в 1903 году в университетах училось 40,8 тысяч человек, в высших технических учебных заведениях – 12,2 тысячи, в специальных академиях – 3,9 тысяч. На всех «факультетах» Франции в 1906 году училось 35,7 тысяч студентов, ещё 5–6 тысяч обучалось в специальных учебных заведениях других ведомств и католических институтах. В университетах Великобритании в 1900–1901 годах училось около 20 тысяч человек, в учительских колледжах (training colleges в Англии и Уэльсе и colleges of education в Шотландии) – 5 тысяч. Из этих данных видно, что система российского высшего образования по абсолютным показателям была сопоста-

вима с системами других ведущих европейских стран. При этом российская система высшего образования развивалась значительно быстрее. Между 1906 и 1914 годом имел место беспрецедентный рост системы высшего образования» [26, с. 39–40].

Подводя некоторый итог, следует сказать, что наука в процессе своего развития формирует соответствующий язык для создания собственной картины мира, и этот процесс требует огромной интеллектуальной работы поколений. Поэтому ценность тех языков, которые прошли этот путь и колоссально обогатили духовный мир людей, использующих эти языки, не может быть преувеличена. Русский язык относится к таким языкам и вместе с ними переживает экспансию английского. «Установление английского языка в качестве международного языка науки коренным образом изменило эти устоявшиеся привычки... Наряду с решительным стремлением любой ценой сохранить немецкий язык в качестве языка науки, контртренд демонстрирует интернационализм путём принудительного использования английского языка. Конечно, в Германии существует множество ситуаций, в которых все участники дискуссии могут говорить по-немецки, но предпочитают английский язык из простого убеждения, что он является неотъемлемой частью научного предприятия. Это означает, что, сами того не зная, мы теперь имеем такое же отношение к английскому языку, какое научное сообщество имело к латыни в восемнадцатом веке. Вопрос о том, что будет происходить с каждым из национальных языков в литературных и научных начинаниях, теперь стал вопросом, который открыто и публично обсуждается... По существу, это был продолжающийся спор между латынью и национальными языками между шестнадцатым и восемнадцатым веками, и теперь он в некоторой степени разыгрывается в обратном направлении. До 1800 года вопрос состоял в том, насколько мы должны доверять национальным языкам? Теперь вопрос заключается в том, какую роль им всё ещё следует отводить?» [27, pp. 11–12].

Следует отметить и то, что ситуация с латынью отличается от ситуации с английским ещё и в том отношении, что латынь не была национальным языком ни для одной из европейских культур Нового времени, тогда как английский является родным языком нескольких современных наций. И эти нации, во-первых, уже имеют серьёзное преимущество по сравнению с другими в силу того, что осваивают английский с пелёнок плюс школьное и профессиональное образование, т. е. они обладают богатым и культурным языком, что позволяет им свободнее и лучше остальных выразить на этом языке и научные идеи; во-вторых, носители английского контролируют большинство научных журналов и библиографических и реферативных баз данных, т. е. основные информационные ресурсы.

Да, с точки зрения вхождения в широкий научный мир издание статей и монографий на английском в большинстве научных областей необходимо и оправдано. Но не за счёт утраты национальной научной традиции. Как видно из материала настоящей статьи, становление языков науки как необходимой части общенациональных языков потребовало работы до десяти поколений поэтов, писателей, филологов и учёных других специальностей,

и должно продолжаться с такой же интенсивностью. Образование, безусловно, должно строиться на национальном языке, поскольку лишь он позволяет своим носителям сформировать наиболее полную и богатую языковую картину мира (что, кстати, вовсе не исключает изучения других языков). Также очевидно и то, что утрата национальных научных традиций не является благом для мировой науки, поскольку это означает потерю национальных традиций мышления. А если мы посмотрим на историю современной науки, то увидим, что, несмотря на весь универсализм, наука активно развивается в рамках отдельных национальных школ. Так, квантовая физика появляется и формируется в двух центрах – Копенгагене и Гёттингене с их отличными друг от друга интерпретациями. Лингвистика развивается в таких школах, как пражская, копенгагенская, петербургская и другие. Экономика – это французские физиократы и английская политическая экономия, немецкая историческая школа и австрийская экономическая школа. Французская математическая школа в чём-то отличается от немецкой и от российской. Конечно, идёт обмен идеями, и, конечно, наука универсальна, но вклад национальных научных школ очень важен именно благодаря их особому подходу к тем проблемам и построениям, которые делаются в рамках универсальной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zilsel E.* The social origins of modern science. Boston: Springer Science+Business Media, B. V., 2003. 267 p.
2. *Доброхотов А. Л.* Данте Алигьери. М.: Common place, 2017. 234 с.
3. *Данте А.* О народном красноречии [Электронный ресурс] / Пер. А. Г. Габричевского // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: http://royallib.ru/book/aligeri_dante/pir_traktati.html (дата обращения: 08.03.2019).
4. *Dixhoorn A. van.* Epilogue // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe. Vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill, 2008. 520 p.
5. *De Beer S.* The Roman ‘Academy’ of Pomponio Leto: From an Informal Humanist Network to the Institution of a Literary Society // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe. Vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill, 2008. 520 p.
6. *Davies M.* Aldus Manutius. Printer and Publisher of Renaissance Venice. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 1999. 64 p.
7. *Baldriga I.* Reading the Universal Book of Nature: The Accademia dei Lincei in Rome (1603–1630) // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe. Vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill, 2008. 520 p.
8. *Stein G.* Sir Thomas Elyot as lexicographer. Oxford University Press, 2014. 439 p.
9. *Knowles G. A.* Cultural History of the English Language. L.: Arnold. A member of the Hodder Headline Group, 1997. 180 p.
10. *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
11. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2 [Электронный ресурс] // Православие и современность. Электронная библиотека. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Content/Books/207/russianchurch2.pdf> (дата обращения: 25.04.2020).

12. *Дмитриев И. С., Кузнецова Н. И.* Академия благих надежд. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 448 с.
13. *Миллюков П.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1905. 410 с.
14. *Успенский Б. А.* Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: «Индрик», 2008. 608 с.
15. История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Ред. Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 814 с.
16. *Сумароков А. П.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1953. 344 с.
17. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. История. Филология. Поэзия. М.: Наука, 1986. 496 с.
18. *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1874. 427 с.
19. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. 375 с.
20. *Шевырëв С.* История Императорского Московского университета. М.: Университетская типография, 1855. 584 с.
21. *Дашкова Е.* Записки. М.: Мир книги, Литература, 2009. 240 с.
22. *Лепëхин М. П.* Четыре столпа Российской академии (И. И. Лепехин, Т. С. Мальгин, П. И. Соколов, А. С. Шишков) // Российская Академия (1748–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб.: СПб научный центр РАН, 2009. 217 с.
23. *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 152 с.
24. *Вернадский В. И.* Академия наук 1824–1889 годов // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М.: Наука, 1988. 464 с.
25. *Севергин В.* Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в Минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия. СПб.: Имп. Академия наук, 1807. 668 с.
26. *Сапрыкин Д. Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
27. *Leonhardt J.* Latin. Story of a World Language. Cambridge Mass., London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2013. 332 p.

Статья поступила в редакцию 27.04.2020.

ABOUT THE VALUE OF THE NATIONAL LANGUAGE OF SCIENCE (PART NO. 2)

Oleg A. Donskikh

Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russian Federation

oleg.donskikh@gmail.com

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.3.12

Abstract. The article examines the process of formation of national languages of science in the history of European culture, starting from the XIV century. The conditions that contributed to this process are considered. First, an absolute prerequisite for the emergence of the language of science is the flourishing of national literature, both in poetry and in prose. A significant role is played by the development of the university education, where teaching philosophy (including the philosophy of nature), i.e. the ability to freely work with abstract concepts, was a prerequisite for the transition to specialization in theology, law, and medicine. Printing, in turn, not only dramatically increased the number of readers belonging to the middle class, but also contributed to the development of national languages. Finally, since the fourteenth century in Europe, literary societies have sprung up in the courts of lords with the aim of improving the native language. These societies are gradually supplemented by associations and academies whose members are interested in science and are not limited by the statutes of universities. The article considers the formation of the scientific language in Russia in the XVIII-XIX centuries. This is a process that took almost two centuries, starting from the philological studies of V. E. Adodurov, V. K. Trediakovsky and M. V. Lomonosov. The role of Russian poets and writers, who greatly enriched the vocabulary of the Russian language, have provided it with freedom and flexibility, the importance of such organizations as the Assembly of translators, the Free Russian Assembly, the Russian Academy, etc. and, of course, the work of hundreds of scientists is of inestimable importance.

Keywords: language of science, history of science, history of European culture, poetry, philology, philosophy, universities, literary societies, academies, language of Russian science.

For citation: Donskikh, O. A. (2020). About the value of the national language of science (part no. 2). *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 2. No. 3. P. 225–244.

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.3.12

REFERENCES

1. Zilsel, E. (2003). *The social origins of modern science*. Boston: Springer Science+Business Media, B. V. 267 p.
2. Dobrokhotov, A. L. (2017). *Dante Alig'eri* [Dante Alighieri]. Moscow: Common place. 234 p. (In Russ.).

3. Dante, A. (2019). O narodnom krasnorechii [About popular eloquence]. Transl. A. G. Gabrichevskii. *Electronic library RoyalLib.com*. URL: http://royallib.ru/book/aligeri_dante/pir_traktati.html (accessed 08.03.2019). (In Russ.).
4. Dixhoorn, A. van (2008). Epilogue. In: *The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe*. Vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill. 520 p.
5. De Beer, S. (2008). The Roman ‘Academy’ of Pomponio Leto: From an Informal Humanist Network to the Institution of a Literary Society. In: *The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe*. Vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill. 520 p.
6. Davies, M. (1999). *Aldus Manutius. Printer and Publisher of Renaissance Venice*. Tempe: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies. 64 p.
7. Baldriga, I. (2008). Reading the Universal Book of Nature: The Accademia dei Lincei in Rome (1603–1630). In: *The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe*. Vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill. 520 p.
8. Stein, G. (2014). *Sir Thomas Elyot as lexicographer*. Oxford University Press. 439 p.
9. Knowles, G. A. (1997). *Cultural History of the English Language*. L.: Arnold. A member of the Hodder Headline Group. 180 p.
10. Platonov, S. F. (1993). *Lektsii po russkoi istorii* [Lectures on Russian history]. Moscow: Vysshaya shkola publ. 736 p. (In Russ.).
11. Kartashev, A. V. (2020). Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]. Vol. 2. *Orthodoxy and modernity. Electronic library*. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Content/Books/207/russianchurch2.pdf> (accessed 25.04.2020). (In Russ.).
12. Dmitriev, I. S. and Kuznetsova, N. I. (2019). *Akademiya blagikh nadezhd* [Academy of good hopes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. 448 p. (In Russ.).
13. Milyukov, P. (1905). *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Part 2. Tserkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie) [Church and school (faith, creativity, education)]. S-Petersburg: Printing House I. N. Skorokhodov. 410 p. (In Russ.).
14. Uspenskii, B. A. (2008). *Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo yazyka i russkoi kul'tury* [Around The Trediakovsky. Works on the history of the Russian language and Russian culture]. Moscow: Indrik publ. 608 p. (In Russ.).
15. *Istoriya russkoi literatury. T. 1. Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka* [History of Russian literature. Vol. 1. old Russian literature. Literature of the XVIII century]. (1980). Ed. by D. S. Likhachev, G. P. Makogonenko. Leningrad: Nauka publ., Leningradskoje otdelenie. 814 p. (In Russ.).
16. Sumarokov, A. P. (1953). *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel' publ. 344 p. (In Russ.).
17. Lomonosov, M. V. (1986). *Izbrannye proizvedeniya. V 2-kh tomakh. T. 2. Istoriya. Filologiya. Poehziya* [Selected works. In 2 vol. Vol. 2. History. Philology. Poetry]. Moscow: Nauka publ. 496 p. (In Russ.).
18. Sukhomlinov, M. I. (1874). *Istoriya Rossiiskoi Akademii* [History of the Russian Academy]. Iss. 1. S-Petersburg: Printing House Imperial Academy of Sciences. 427 p. (In Russ.).
19. *Istoriya leksiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVII – nachala XIX veka* [History of the vocabulary of the Russian literary language of the end of the XVII – beginning of the XIX century]. (1981). Moscow: Nauka publ. 375 p. (In Russ.).

20. Shevyrev, S. (1855). *Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [History of the Imperial Moscow University]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 584 p. (In Russ.).
21. Dashkova, E. (2009). *Zapiski* [Notes]. Moscow: Mir knigi, Literatura publ. 240 p. (In Russ.).
22. Lepekhin, M. P. (2009). Chetyre stolpa Rossiiskoi akademii (I. I. Lepekhin, T. S. Mal'gin, P. I. Sokolov, A. S. Shishkov) [Four pillars of the Russian Academy (I. I. Lepekhin, T. S. Malgin, P. I. Sokolov, A. S. Shishkov)]. In: *Rossiiskaya Akademiya (1748–1841): yazyk i literatura v Rossii na rubezhe XVIII–XIX vekov*. S-Petersburg: S-Petersburg scientific center of the RAS. 217 p. (In Russ.).
23. Kolominov, V. V. and Fainstein, M. Sh. (1986). *Khram muz slovesnykh (Iz istorii Rossiiskoi Akademii)* [Temple of the verbal muses (From the history of the Russian Academy)]. Leningrad: Nauka publ., Leningradskoje otdelenie. 152 p. (In Russ.).
24. Vernadskii, V. I. (1988). Akademiya nauk 1824–1889 godov [Academy of Sciences 1824–1889]. In: Vernadskii, V. I. *Trudy po istorii nauki v Rossii*. Moscow: Nauka publ. 464 p. (In Russ.).
25. Severgin, V. (1807). *Podrobnyi slovar' mineralogicheskii, sodержashchii v sebe podrobnoe iz'yasnenie vsekh v Mineralogii upotrebitel'nykh slov i nazvanii, takzhe vse v nauke sei uchinennye noveishie otkrytiya* [A detailed mineralogical dictionary containing a detailed explanation of all common words and names in Mineralogy, as well as all the latest discoveries made in science]. S-Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 668 p. (In Russ.).
26. Saprykin, D. L. (2009). *Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii* [Educational potential of the Russian Empire]. Moscow: IIET RAN. 176 p. (In Russ.).
27. Leonhardt, J. (2013). *Latin. Story of a World Language*. Cambridge Mass., London: The Belknap Press of Harvard University Press. 332 p.

The article was submitted on 27.04.2020.